

Мировая юстиция в России

Создание, деятельность,
историческая миссия

МОНОГРАФИЯ

Под редакцией

доктора исторических наук,
А. Д. Поповой,
кандидата юридических наук,
С. В. Лонской

МИРОВАЯ ЮСТИЦИЯ:
ГЕНЕЗИС, СУЩНОСТЬ, ИСТОРИЯ В РОССИИ

ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕИ МИРОВОГО СУДА В РОССИИ

МИРОВАЯ ЮСТИЦИЯ В РОССИИ
НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.

И ДР.

Коллектив авторов
Мировая юстиция
в России: создание,
деятельность, историческая
миссия. Монография

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21552524
ООО "Проспект"; 2016
ISBN 9785392199648*

Аннотация

Монография авторского коллектива исследует как теоретические аспекты деятельности мировой юстиции, так и процесс формирования мирового суда в Российской империи в XIX в. Авторы рассматривают введение мирового суда как элемент сложного модернизационного процесса, направленного на формирование правового государства и гражданского общества. На основании большого круга исторических источников ими показаны предпосылки создания мирового суда, особенности деятельности в отдельных регионах, значение мировых судов для трансформации общественных отношений, их влияние на эволюцию общественного сознания и повседневных практик. Для юристов, преподавателей, студентов юридических

и исторических факультетов, а также для всех, кто интересуется отечественной историей.

Содержание

Введение	6
Глава 1	12
Глава 2	46
Конец ознакомительного фрагмента.	74

**Мировая юстиция
в России: создание,
деятельность,
историческая миссия
Монография
Под редакцией
доктора исторических
наук, А. Д. Поповой,
кандидата юридических
наук, С. В. Лонской**

[битая ссылка] ebooks@prospekt.org

Введение

2014 г. соединил в себе несколько значимых юбилеев. Конечно, историческое сообщество не могло обойти вниманием круглую дату Первой мировой войны. В то же время нельзя не отметить еще два очень значимых события в отечественной истории: 2014 г. стал 150-летним юбилеем двух наиболее ярких мероприятий реформ Александра II: судебной и земской. Историческое значение данных событий трудно переоценить: именно они начали прокладывать трудную дорогу к гражданскому обществу. Гражданское общество как определенный уровень развития взаимоотношений между обществом и властью, для которого характерны взаимная ответственность, высокий уровень защиты прав и свобод людей, возможность общества воздействовать на власть и отстаивать свои интересы, не может быть создано без механизмов, дающих возможность обществу самому решать насущные хозяйственные и политические вопросы, защищать права и свободы.

Сегодня в России также взят курс на формирование гражданского общества. Очевидно, что гражданское общество, как и демократическое государство, не могут появиться в один момент. Это сложный и трудный процесс, который может растягиваться даже не на десятилетия, а на века. В России данный процесс стартовал значительно позже, чем в ев-

ропейских странах. Тем не менее определенный исторический опыт у нас также имеется. И он не может не быть интересным для исследователей разных отраслей наук. И дело не только в актуальности задачи как таковой. Процесс формирования гражданского общества в России не может не иметь своей специфики ввиду особенностей развития политической системы, ментальных особенностей.

Поэтому для российского будущего очень ценен именно отечественный опыт проведения реформ, содействующих формированию гражданского общества. Наиболее значимыми и яркими из таких мероприятий могут быть названы земская и судебная реформы 1864 г. Впервые в стране формировались органы самоуправления, которые объединяли интересы и усилия представителей всех сословий, давали возможность самому обществу воздействовать на решение насущных проблем. И хотя земства были лишены права вмешиваться в политические вопросы, они фактически внесли колоссальный вклад и в развитие политической жизни, дав обществу первый опыт внесословной демократии.

Судебная реформа 1864 г. кардинально изменила образ судебного ведомства. Вместо негласного, сословного, медлительного суда, построенного на архаичной теории формальных доказательств, вводился всесословный, независимый гласный и устный суд. Задача судебной реформы ставилась общегражданская: дать каждому возможность через суд добиться справедливости, защиты своего законного интере-

са, прав и свобод. Власть и общество в лице наиболее передовых его членов, имевших отношение к ее разработке, стали видеть новое предназначение судебной власти: не карать тех, кто позволил проявить непослушание государственной воле, а защищать права и свободы, законные интересы.

Фактически ими стали реализоваться передовые достижения зарубежной философской мысли, которая в XVIII–XIX вв. нащупывала пути взаимодействия общества и власти, поиска баланса между интересами личности, общества и государства. В частности, основополагающими в этом плане можно считать идеи великого философа Г. В. Ф. Гегеля, который утверждал, что в гражданском обществе право и свободы конкретной личности являются ценными для всех, и в этом контексте преступление против какой-либо личности или его собственности – это не частное дело, а нарушение общественного интереса. Не случайно им в качестве признака гражданского общества выделялось развитое правосудие. Без него создание гражданского общества невозможно. Суд уравнивает всех тем, что обеспечивает рассмотрение споров и конфликтов на основе права: «Член гражданского общества имеет право искать суда и обязанность предстать перед судом и получить только через суд оспариваемое право»¹.

Судебная реформа 1864 г. стала носителем наиболее передовых для своего времени идей в вопросах взаимоотношений личности, общества и государства. Ее знаковыми ориентирами стали доступность правосудия, гласность и незави-

симось суда, оперативность. Иначе говоря, ключевая идея этой реформы заключалась в следующем: каждый, независимо от своего сословного происхождения, состояния, занимаемой должности и уровня образования: от знатного и богатого дворянина до вчерашнего крепостного или наемного рабочего, должен получить возможность быстро, без излишних проволочек, но в то же время справедливо, на основе права решение по своему делу.

Ключевым моментом в реализации этого нового образа правосудия стало создание мировой юстиции. Именно мировые судьи должны стать тем институтом, который принесет доступный, быстрый и справедливый суд для всех, даст возможность в судебном порядке разрешать простые житейские споры, встречающиеся в судебной практике гораздо чаще, чем дела о загадочных убийствах и заумных хищениях. Можно сказать, что именно мировой суд наряду с судом присяжных должен был стать визитной карточкой не только новой судебной системы, но и меняющейся страны.

Не случайно, когда в конце XX в. снова был взят курс на демократизацию и построение гражданского общества, неизбежно возникал вопрос о новой судебной реформе, которая по сути должна была решить те же задачи, что и судебная реформа 1864 г. – дать обществу быстрый, доступный и справедливый суд. Этим же объясняется и активное использование в Концепции судебной реформы 1991 г. исторического опыта. Авторы этого документа планировали в том

числе активно использовать суд присяжных и возродить мировую юстицию. Не все, запланированное в 1991 г., реализовалось в таком виде, как это виделось тогда. Однако пусть постепенно, преодолевая сложности различного характера, мировой суд опять вошел в отечественную судебную систему. В этом аспекте изучение истории мирового суда имеет большое значение для современного демократического развития страны. Только учитывая отечественный опыт, специфику социального, политического и духовного развития России, можно успешно проводить современные реформы.

Авторы рассмотрели разные аспекты: теоретические подходы к трактовке мировой юстиции, эволюция идеи мирового суда в нашей стране, взаимодействие мировых судов с земствами и администрацией пореформенной России, особенности введения и деятельности мировых судов в различных регионах, дискуссии о мировом суде в период революционных потрясений. Члены авторского коллектива представляют историческую науку и юриспруденцию, разные научные школы и разные регионы – от Калининграда до Дальнего Востока. Поэтому закономерным является присутствие различной манеры и стиля изложения материала. Однако для всех авторов характерно стремление рассматривать процесс становления мировой юстиции как элемент демократизации страны и формирования гражданского общества в России. В то же время можно отметить, что перед авторским коллективом стояла цель выделить специфику введения мировой

юстиции в различных регионах, показать сложность реформаторского процесса в мозаичных российских условиях. Изначально не ставилась задача проследить процесс ведения мировой юстиции в каждой отдельно взятой губернии или иной административной единице Российской империи. И дело даже не в глобальности и сложности данной задачи. Ставилась цель показать особенности там, где это ярко прослеживается. Поэтому были взяты отдельные регионы, где провинциальная специфика особенно ярко отразилась на процессе введения мировой юстиции. Надеемся, что представленный труд будет интересен и полезен широкому кругу читателей: как студентам, так и профессорам, как научным работникам, так и практикам, как юристам, так и историкам, политологам, социологам и пр.

Глава 1

Мировая юстиция: генезис, сущность, история в России

Смысл термина «мировой» применительно к судье, суду, юстиции трактуется неоднозначно – и на доктринальном, и на профессиональном, и на обыденном уровнях. Если взглянуть на происхождение термина, то мы увидим, что он имеет английские корни: *Justice of the Peace* – мировая юстиция. Первоначальной и основной задачей исторически первой институционально оформленной мировой юстиции – английской – было сохранение государственного и общественного порядка и спокойствия (мира) на местах, точнее, правопорядка (королевского мира, *king's peace*). Поэтому в понятии мира в этом контексте вряд ли стоит непременно искать стремление к примирению, компромиссу. Исторически примирение сторон – отнюдь не главное предназначение мирового суда; главная его функция, как представляется, – правоохранительная, а использование для охраны правопорядка примирительных процедур не имманентный признак мировой юстиции, а один из инструментов осуществления главной функции.

Размышляя о генезисе концепции мировой юстиции, проф. Л. В. Головкин подметил, что континентальное право

вульгаризировало английское понятие «мир», увидев в нем лишь заурядное «примирение», и французская модель мировой юстиции, в отличие от английской, уголовной (мироохранительной), превратилась в гражданскую (миротворческую)². Как могла произойти такая метаморфоза? Здесь Л. В. Головки видит, помимо английского, еще и голландское влияние: в XVI в. в Нидерландах зародился институт лейденских миротворцев (*Leidse Vredemakers, Leyden Peacemakers*), который современными исследователями рассматривается как предшественник современных медиаторов³. Законодатели французской революции, почерпнув информацию об этих учреждениях из сочинений Вольтера, образовали их во Франции как мировые бюро (*Bureaux de Paix*), а впоследствии как мировых судей (*Juges de Paix*).

Л. В. Головки отмечает, что английское и голландское влияния взаимоисключающими не являются, и французская концепция ближе к голландской идее судей-миротворцев (примирителей), нежели к английскому пониманию мировых судей как хранителей королевского мира. Однако очевидно, признает автор, что термины «мировой судья» и «мировая юстиция» были в самом деле заимствованы идеологами французской судебной реформы конца XVIII в. из английского права, а «лейденские миротворцы» могли повлиять исключительно концептуально, но не терминологически. Термин, будучи элементарным переводом с английского языка, по мнению Л. В. Головки, появился во Франции

до концепции или, по крайней мере, независимо от нее, поскольку институт примирения во Франции обозначается термином *conciliation*, а не *paix*⁴. Примечательно, что современные французские историки права (*Follain A. De la justice seigneuriale à la justice de paix // Une justice de proximité: la justice de paix (1790–1958) // Sous la dir. de J.-G. Petit. Paris, 2003. P. 19–33*) ставят под сомнение сам факт заимствования и в то же время подробно изучают собственные возможные корни мировой юстиции, например сеньориальную судебную организацию⁵.

Русскоязычный термин, также заимствованный и буквально переведенный из английского и французского, вполне способен увести в сторону от подлинного смысла. Нередко российский мировой суд отождествляют с русской общиной-миром, тем более что это суд местный, да и сама проблема крестьянского управления в конце XIX – начале XX вв. была тесно связана с реформой местного суда. На самом деле мировой суд не общинный. В русской грамматике середины XIX в. «міръ» – община – начерталось через десятеричное И (і), от «міра» – и прилагательное «мірской». «Мировой» же (через «восьмеричное И» (и)) – от слова «мир» в более традиционном смысле (спокойствие, порядок).

Что же такое институт мировой юстиции? В общем, все разнообразие национальных моделей, проектов, научных представлений можно сгруппировать в два концептуальных подхода. Первый делает акцент на примирительной, посред-

нической функции мирового суда (патриархальный подход); второй сосредоточен на том, что мировой суд – это суд ограниченной юрисдикции, суд по малозначительным делам (прагматический подход). Можно говорить о том, что указанные концептуальные подходы – основа соответствующих парадигм мировой юстиции, господствующих в научном, профессиональном и обыденном правосознании. В зависимости от того, какого подхода придерживается исследователь, выстраивается и научно-теоретическая модель мировой юстиции. Тот или иной подход должен (в идеале) выбрать законодатель. Когда это не удается, система начинает «хромать», законодательство и правоприменительная практика запутываются. Печально, если законодатель не прислушивается к научной мысли, хотя в науке, по определению, всегда есть место для дискуссии, и концептуальные подходы могут быть различными, выбор для законодателя всегда есть. Наконец, под влиянием главным образом практики, соответствующий образ и ожидания от мировой юстиции складываются в обществе.

Институт мировой юстиции органически сформировался сначала в Англии в рамках семьи «общего права» (XII–XIV вв.), распространился в результате рецепции на территории Британской империи (впоследствии страны Содружества), а через Францию проник и в романо-германскую правовую семью (XVIII–XIX вв.). Непосредственной задачей английских мировых судов изначально была, как мы уже за-

метили, охрана правопорядка, и в этом смысле они являлись инструментом ограничения прав крупных феодалов-баронов, привлечения к управлению местных джентри. Это были государственные органы с широким участием представителей общества. Одновременно формировалась и постепенно совершенствовалась нормативная процессуальная основа деятельности мировых судов, а также система мер по ее обеспечению.

Рецепция института мировой юстиции (из Англии непосредственно или опосредованно), безусловно, всегда имеет индивидуальную окраску, ибо особенности конкретно-исторической ситуации, собственный социокультурный опыт неизбежно повлекут те или иные черты своеобразия. Так и произошло во Франции в XVIII в.: французская модель мировой юстиции самобытна. Основная ее черта заключается в том, что мировой суд – это в первую очередь институт судебной власти, а не орган местного управления, как в Англии. Кроме того, как уже было сказано, именно французская модель изначально делает центральной роль примирителя. Впоследствии уже французский образец стал источником рецепции для многих стран мира, в том числе и для дореволюционной России.

Научный интерес к институту мировой юстиции, активно проявившийся у нас в России в начале 1990-х гг., до сих пор не ослабевает. База данных Российской научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU⁶ по запросам «мировая юс-

тиция», «мировой суд», «мировой судья» в 2014 г. выдает около двух с половиной сотен научных статей и других типов публикаций. Довольно высоко и число диссертаций по этой тематике не только в области юридических, но и исторических наук.

В современных исследованиях по проблематике мировой юстиции отчетливо выделяются несколько направлений. Первое направление – это комплексное изучение теоретических и историко-правовых аспектов мировой юстиции⁷. Второе направление, привлекающее исследователей, – разработка отдельных теоретических и (или) историко-правовых вопросов мировой юстиции (причем, преимущественно в рамках отраслевых и сравнительно-правовых исследований). Круг авторов и тем здесь, пожалуй, наиболее широк⁸. Особое направление составляют исследования по региональной тематике (как в историко-правовом, так и в современном ключе)⁹.

Указанные выше направления исследований сложились главным образом в юридической науке, и основной вклад здесь принадлежит ученым-правоведам. Но мировая юстиция является объектом научного исследования и в исторической науке, где в целом можно увидеть ту же проблематику¹⁰.

Такой интерес к мировой юстиции представителей различных отраслей науки, широкий круг тем, разнообразие

методов исследования, обилие научных трудов, конечно, позволяют глубже изучить, объяснить столь многогранное явление. Думается, еще больший прогресс может быть достигнут при проведении междисциплинарных, полидисциплинарных, трансдисциплинарных исследований мировой юстиции, что крайне актуально в современных условиях развития научного знания.

Отдельно остановимся на вопросе о теоретическом образе мировой юстиции, сложившемся в отечественной научной литературе. В рамках данной тематики наиболее результативными остаются представители юридической науки. Конечно, среди авторов не составит труда увидеть сторонников патриархальной (их большинство) или прагматической парадигмы, но с точки зрения теоретических построений можно выделить три основных подхода.

1. Институциональный подход. Построение концепции мировой юстиции заключается в моделировании идеальной формы ее существования и функционирования в обществе, процесса ее образования в качестве целевого, самостоятельного органа судебной власти и как некоего особого результата, определяющего ее положение в обществе и государстве. Речь идет о правовой идеологии построения современного идеала местного правосудия, которая оценивается сторонниками институционального подхода как консерватизм в сфере права. Институциональный подход исходит из тезиса (спорного, на наш взгляд), что «эффективность

урегулирования подавляющего большинства споров напрямую зависит не столько от статуса суда и совершенства применяемого им законодательства, сколько от его социальной направленности, от авторитета конкретных судей»¹¹.

Методологическая база институционального подхода позволяет по-своему подойти и к историко-правовому, и к практическому аспектам проблемы, решать задачу поиска и формулировки содержания качественных особенностей и специфики природы отечественного феномена мировой юстиции¹². По мнению исследователей, мировая юстиция «как правовое явление объективно существует в социальной среде и воспринимается гражданами как судебный орган, независимо от ее места и роли в судебной системе в конкретной исторической обстановке»¹³.

Институциональный подход формулирует следующие ключевые признаки мировой юстиции, которые в совокупности являются необходимым и достаточным условием для ее самостоятельного существования как института судебной власти и восприятия ее обществом именно в этом качестве:

- целеполагание института мировой юстиции;
- судебная деятельность мировых судей;
- организация судебной власти мировой юстиции;
- профессиональная правовая культура мировых судей¹⁴.

При этом подчеркивается, что признаки не должны вступать в противоречие, взаимодействуя между собой в режиме

взаимоподдержки и непротивостояния. В то же время определения понятий «мировой судья», «мировой суд», «мировая юстиция», кратко приведенные авторами концепции в труде «Мировая юстиция», даны со ссылками на уже известные источники¹⁵.

Один из центральных выводов, которые делают авторы концепции, заключается в признании самобытности и самостоятельности исторического развития институциональных форм отечественного местного суда, исключительно социально-правовой направленности их правосудия¹⁶.

2. Структурно-функциональный подход. В этом теоретико-методологическом аспекте мировая юстиция может быть представлена как идеализированный объект – абстрактная структурно-функциональная модель необходимых элементов, существенных признаков, свойств, функциональных и организационных связей государственно-правовых явлений. Исследователи, работающие в данном направлении, предлагают различные структурно-функциональные модели, простые и более сложные.

Так, В. В. Дорошков разграничивает существенные признаки институтов мирового судьи и мирового суда на организационные и процессуальные, подчеркивая, что эти признаки выделяются на основе российского законодательства и характерны для российского мирового судьи¹⁷. Сущность института мировых судей, по В. В. Дорошкову, выражается

в том, что «они являются должностными лицами, носителями судебной власти, судьями судов общей юрисдикции, судьями и судом субъекта Федерации, низшим звеном единой судебной системы, наделяемым полномочиями в особом более демократическом порядке, имеющим специальную ограниченную юрисдикцию»¹⁸. Здесь перечислены те признаки, которые автор считает доминирующими для мирового судьи и общими для мирового суда. Следует заметить, что, признавая необходимость разграничения понятий «мировой судья», «мировой суд», В. В. Дорошков не всегда точно следует такому разграничению.

Авторская концепция мировой юстиции И. Г. Шарковой заключается в наборе общих и специфических признаков, формировавшихся исторически и сохранившихся в современных моделях мировой юстиции. Отметим, что предложенная концепция имеет ярко выраженную уголовно-процессуальную направленность, что обусловлено предметом авторского исследования.

Общие признаки, по И. Г. Шарковой, характерны для судебной системы, к которой относится данная страна:

- признаки, определяющие место мировой юстиции в общей судебной системе государства;
- признаки, определяющие правовое пространство (материальное и процессуальное), в котором функционирует суд общей юрисдикции и мировой суд в том числе;
- признаки, отражающие общие принципы уголовного

процесса и судопроизводства у мирового судьи.

Специфические признаки – те, которые в модели либо специфически проявляются, либо характеризуют только ее и не встречаются в судопроизводстве судов общей юрисдикции:

- определяющие мирового судью как носителя судебной власти;
- единоличное судопроизводство;
- предметная подсудность дел – преимущественно дела небольшой тяжести;
- полностью или частично ускоренное, упрощенное (суммарное) судопроизводство;
- специфика апелляционного производства;
- направленность на применение мер, заменяющих наказание в виде лишения свободы;
- особые производства в рамках мировой юстиции (ювенальное);
- специфические принципы мировой юстиции;
- примирительный аспект.

При этом примирение сторон по уголовным делам, подсудным мировому судье, является, по мнению И. Г. Шарковой, наиболее стойким концептуальным признаком мировой юстиции¹⁹. Основываясь на данных тезисах, И. Г. Шаркова делает вывод, что действующая российская мировая юстиция отражает эти специфические признаки частично. Также важен ее вывод о том, что современная российская миро-

вая юстиция не совпадает с историческими предшественницами, имеет оригинальное правовое содержание и процессуальную форму²⁰.

С. В. Каширский полагает, что сущностные понятия «мировой судья», «мировой суд», «мировая юстиция» в дореволюционный и современный периоды эволюционировали. Так, в период с 1864 по 1917 гг. «мировой судья» – это выборное должностное лицо V класса (согласно Табели о рангах) – статский советник – уполномоченное осуществлять судопроизводство в рамках компетенции мирового суда, согласно Судебным уставам 20 ноября 1864 г. С 1996 г. под термином «мировой судья», по мнению С. В. Каширского, следует понимать должностное лицо, наделенное полномочиями осуществлять правосудие, принадлежащее к корпусу судей Российской Федерации, являющееся судьей общей юрисдикции субъекта Российской Федерации.

Подобным образом даны в эволюции определения мирового суда: это выборный судебный орган, составляющий самостоятельный элемент пореформенной судебной системы России с 1864 по 1889 гг. и с 1906 по 1917 гг., а в современный период – это мировые судьи и их аппарат как элемент судебной системы. Наконец, мировая юстиция – это элемент судебной системы, социальный институт судоустройства, посредством которого реализовалась возможность общества на восстановление нарушенных личных неимущественных и имущественных прав (в пределах компетенции мирового

судьи). Мировая юстиция – это составляющая часть (подсистема) единой судебной системы пореформенной Российской империи, элементами которой следует считать:

- 1) корпус мировых судей как субъектов, призванных осуществлять мировое судопроизводство;
- 2) мировое судоустройство в качестве формы реализации;
- 3) мировое судопроизводство как механизм, процесс (содержание) реализации.

Сегодня мировая юстиция – это вся совокупность мировых судебных учреждений – мировых судей, мировых судов, аппарата мировых судей, а также апелляционная инстанция²¹. Конечно, все предлагаемые определения, сформулированные применительно к России, «работают» лишь в конкретно-историческом аспекте. Представляется, что сам подход автора к проблеме определения понятий (эволюция во времени) – достаточно спорная идея. Если сущность со временем меняется, с тем же объектом (предметом) исследования мы имеем дело? Не принимается ли многообразие явлений за эволюцию сущности? Кроме этого общего замечания, к приведенным определениям возникают и иные вопросы. Например, почему аппарат мирового судьи не включается автором в «дореволюционное» определение мирового суда, ведь его значение и тогда было немалым? Или почему подчеркивается включение апелляционной инстанции в понятие мировой юстиции именно для «современного» ее определения?

Н. В. Куприянович формулирует ключевые понятия, не выходя за пределы современного российского законодательства, что обусловлено рамками ее исследования. Так, по ее мнению, мировой судья – должностное лицо, уполномоченное единолично в пределах территории судебного участка осуществлять правосудие в соответствии с процессуальным законодательством РФ; мировой суд – государственный орган (учреждение), являющийся первичным элементом в системе судов общей юрисдикции РФ, к компетенции которого отнесено рассмотрение гражданских, административных и уголовных дел в качестве суда первой инстанции; мировая юстиция – должностные лица (мировые судьи), реализующие судебную власть в субъектах Российской Федерации, а также аппарат мировых судей, содействующий осуществлению правосудия. Автор также предлагает перечень основных признаков российской модели мировой юстиции:

- принадлежность мировых судей к нижнему звену судов общей юрисдикции субъектов РФ;
- профессиональный состав корпуса мировых судей (обязательное наличие высшего юридического образования);
- единоличное рассмотрение дел мировыми судьями;
- осуществление мировыми судьями исключительно судебных функций; активное использование мировыми судьями примирительных и согласительных процедур;
- обладание особой юрисдикцией²².

Т. Ф. Арабова выделяет восемь признаков мировой юсти-

ции:

- 1) судопроизводство осуществляется судьями-непрофессионалами;
- 2) дела рассматриваются и разрешаются в коллегиальном составе (существуют исключения, например Россия);
- 3) судьи избираются населением соответствующей местности;
- 4) подсудность ограничена предположительно несложными, малоценными спорами;
- 5) судопроизводство является упрощенным по сравнению с порядком рассмотрения дел по первой инстанции иными судами;
- 6) судопроизводство осуществляется с применением примирительной процедуры или ее элементов;
- 7) в случае недостижения примирения дело разрешается не только в соответствии с предписаниями позитивного права, но и с применением местных обычаев с учетом представлений о справедливости, а также по совести;
- 8) в судебной системе предусмотрено специальное звено проверки законности, обоснованности и справедливости судебных актов, вынесенных мировыми судьями, либо установлен запрет на их обжалование.

Автор делает оговорку, что «полный набор всех признаков, вероятно, не был свойствен ни одной... правовой конструкции мировой юстиции ни в одном государстве». Приложив сформулированные признаки к российским реалиям,

Т. Ф. Арабова закономерно приходит к выводу, что признаки мировой юстиции не свойственны мировым судьям по законодательству Российской Федерации²³.

Автор этих строк придерживается мнения, что в наиболее общем виде мировая юстиция, с точки зрения структурно-функционального подхода, – это целостная система трех элементов:

- 1) система мировых судов (мировые суды и мировые судьи);
- 2) деятельность мировых судов (деятельность по осуществлению мировыми судами государственных функций);
- 3) мировое судебное управление.

Мировой суд – это местный (локальный) судебный или административно-судебный государственный орган ограниченной юрисдикции, рассматривающий и разрешающий малозначительные дела по упрощенной процедуре. Соответственно, существенными признаками мирового суда являются:

- а) статус местного (локального) государственного органа;
- б) статус низшей (первичной) судебной или административно-судебной инстанции;
- в) ограниченная юрисдикция (малозначительные дела);
- г) использование некоторых упрощений в порядке осуществления государственных функций.

Представляется, что расширение списка существенных признаков, к чему стремится ряд авторов, ведет к размыва-

нию понятия. Дополнительные признаки описывают национальные модели; их можно вводить как специфические (особенные, специальные). Предлагаемые же нами признаки являются типичными (существенными, общими), характерными для всех государственно-правовых систем. Они в совокупности охватывают как организационные, так и функциональные аспекты мирового суда.

Мы согласны с мнением большинства авторов о необходимости разграничивать понятия мирового суда и мирового судьи (к чему до сих пор не прислушался законодатель). Мировой судья – это лицо, наделенное полномочиями осуществлять функции мировых судов, положение которого в системе определяется совокупностью правовых элементов и принципов (правовым статусом).

К элементам правового статуса мирового судьи можно отнести:

- а) требования к мировому судье и к кандидату на эту должность (цензы);
- б) порядок наделения мирового судьи полномочиями и порядок прекращения этих полномочий;
- в) права и обязанности мирового судьи;
- г) гарантии реализации прав и обязанностей.

Большинству требований (цензов) к кандидату в мировые судьи присущ делящийся характер, они предъявляются также и к мировому судье, который исполняет свои обязанности, и являются содержанием его правосубъектности. Междуна-

родная практика знает немало примеров (Бразилия, Великобритания, Испания, Италия и др.) когда для мировых судей отсутствует требование специальной юридической квалификации (образовательного ценза) и (или) предоставляется право (отсутствует запрет) обладать такими специальными знаниями в любой форме. В правовом понятийно-категориальном аппарате при определении качественной характеристики кадрового состава мировой юстиции для описания этого явления мы используем термин «полупрофессионализм» (в значении «отсутствие, недостаточность или неопределенность профессиональной юридической квалификации»), противопоставляя его характеристике профессионализма, основой которой является предъявление к кандидату в судьи ценовых квалификационных требований юридического образования.

Порядок наделения мировых судей полномочиями (сюда можно включить и стадию вступления в должность) мы выделили в отдельный элемент статуса мировых судей, объединив с порядком прекращения полномочий, акцентируя тем самым внимание на временные (темпоральные) рамки осуществления мировым судьями своих государственных функций.

Содержание прав и обязанностей мирового судьи, как и судьи вообще, может быть дифференцировано в зависимости от тех отношений, в которых он является одним из субъектов. Так, можно выделить права и обязанности мирово-

го судьи при осуществлении правосудия, права и обязанности мирового судьи как члена судейского сообщества, права и обязанности во внеслужебных отношениях и т. д. Помимо прав и обязанностей могут существовать и определенные ограничения, установленные для судей как носителей судебной власти.

Под гарантиями мы понимаем совокупность условий и средств, обеспечивающих реализацию прав и обязанностей субъекта. Через гарантии, права и обязанности в том числе обеспечивается взаимодействие с другими элементами системы: деятельность субъекта осуществляется в форме реализации прав и обязанностей, а судебное управление во многом обеспечивает «гарантийную среду». Гарантии реализации прав и обязанностей мировых судей можно подразделить на правовые (в законодательстве РФ это, например, процедура осуществления правосудия, обязательность для исполнения требований и распоряжений судей, установление ответственности за неуважение к суду и за вмешательство в деятельность суда по осуществлению правосудия), организационные (например, порядок приостановления и прекращения полномочий судьи, система органов судейского сообщества), материальные и социальные (заработная плата, отпуска и т. д.).

Принципами правового статуса мирового судьи являются основополагающие положения, определяющие содержание и реализацию прав и обязанностей мирового судьи. Принципы

правового статуса мировых судей можно классифицировать. Так, можно выделить основные принципы (распространяющиеся на всех судей, в том числе и мировых) и дополнительные (относящиеся непосредственно к мировым судьям). Отметим, что формирование и развитие принципов правового статуса судей, их закрепление в нормах права – процесс исторический.

Свою государственную деятельность (основную функцию) мировой суд осуществляет в форме правосудия. Однако нередко в истории и в современной практике различных государств мы можем наблюдать наличие у мировых судов и полномочий административного характера, когда мировой суд является органом управления (это характерно, например, для англосаксонской правовой семьи, когда мировые судьи регистрируют браки, выдают лицензии и т. п.). В этом случае деятельность мирового суда протекает в форме исполнительной (административной), регулируемой соответствующими правовыми нормами.

Через деятельность мировые суды и судьи реализуют свои полномочия и компетенцию, она обеспечивается органами судебного управления. В этом, главным образом, состоят связи данного элемента с другими элементами системы. Важной функциональной характеристикой деятельности является то, что в ее рамках реализуется достижение цели мировой юстиции – обеспечение правопорядка.

Судебное управление как третий элемент понятия миро-

вой юстиции включает органы судебного управления и самоуправления (органы судейского сообщества) и их деятельность. В данном случае имеются в виду органы, которые осуществляют организационное (в том числе, кадровое) обеспечение деятельности мировых судов, предоставляют в их распоряжение необходимые ресурсы (материально-технические, финансовые, информационные и др.), выражают интересы мировых судей как носителей судебной власти. Как элемент мировой юстиции, судебное управление функционально связано и с системой мировых судов (управляя корпусом мировых судей, аппаратом судов, выражая их интересы и т. д.), и с их деятельностью (например, гарантии деятельности осуществляются в том числе и через судебное управление).

Пространственные рамки структурно-функциональных связей в системе мировой юстиции задаются ее территориальной организацией, которая, пронизывая все ее элементы, непосредственно связана с локальным характером мировых судов, пределами полномочий мировых судей и органов судебного управления, подсудностью дел.

3. Отрицание возможности определения сущности мировой юстиции (негативистский подход). Отстаивающий данную позицию Л. В. Головкин полагает, что единый термин на самом деле скрывает дуализм концепций – английской и французской – который, в свою очередь, реализуется в множестве институтов (или институциональных ва-

риантов) мировой юстиции. Эти варианты можно классифицировать по различным основаниям, а соединение разных классификационных групп образует определенную национально-историческую модель мировой юстиции. Л. В. Головки утверждает, что универсальных позитивных признаков мировой юстиции не существует вовсе, по крайней мере, признаков юридико-технических. Мировая юстиция конструируется не через утверждение, а через отрицание компетенции ординарных судей. В ее основе лежит некая идея (концепция), реализация которой не может быть возложена без ущерба для последней на обыкновенного судью, наделенного общим судейским статусом. В такой ситуации возникает необходимость в низовом единоличном звене судебной системы, обладающем особым статусом и особой компетенцией. При этом указанная концепция должна иметь этимологическое отношение к слову «мир» в его национальном понимании, что и позволяет назвать такого судью «мировым». При чрезмерном сближении статусов мировой и ординарной юстиции ни о какой подлинно мировой юстиции, по мнению Л. В. Головки, говорить не приходится²⁴.

Немалое внимание в научной литературе уделяется типологии мировой юстиции. Являясь методом научного познания, типология играет важную роль для систематизации знаний о мировой юстиции в целом, позволяет лучше ориентироваться в ее национальных моделях, устанавливая связи между различными моделями (типами) мировой юстиции, в

том числе в синхронном и диахронном сравнительно-исторических аспектах.

И. Г. Шаркова останавливается на англосаксонской, сформированной под влиянием общего права, и континентальной, сформированной под влиянием римского права и идей Просвещения, моделях (исторических и действующих) и дает им свою трактовку²⁵. Особенность англосаксонской модели состоит в том, что она не выросла на базе судебного прецедента, а сразу создавалась путем издания нормативного (королевского) акта. Континентальная (французская) модель отличается конституционным уровнем закрепления. Российская модель у И. Г. Шарковой выделяется как самостоятельная.

Е. В. Чиснягова (Кузнецова) предлагает термин «исторический тип мировой юстиции», ссылаясь на И. Г. Шаркову и имея в виду хронологически ранние английский и французский как классические типы и более поздний – смешанный как результат формирования своеобразных сочетаний некоторых черт мировой юстиции²⁶. Предлагаются и такие классификации, как мировая юстиция в унитарных и федеративных государствах (по типу ее формирования и функционирования)²⁷; коллегиальная или односоставная (по порядку осуществления полномочий)²⁸ и др. Список этот далеко не полон и может дополняться в зависимости от целей и задач исследования.

С позиций методологии структурно-функционального подхода к теоретико-правовой типологии мировую юстицию можно классифицировать:

1) по типу правового статуса мирового судьи:

– профессиональная и полупрофессиональная модели мировой юстиции (по требованиям служебно-образовательного ценза);

– модели мировой юстиции с выборными мировыми судьями и с назначаемыми мировыми судьями (по порядку наделения полномочиями);

– официальная и неофициальная модели мировой юстиции (состоят ли мировые судьи на государственной службе или их должность считается общественной);

2) по типу государственной деятельности, осуществляемой мировыми судами:

– судебная;

– административно-судебная;

3) по типу судебного управления:

– централизованная и децентрализованная модели мировой юстиции (по типу управления и самоуправления мировыми судами);

– единая и обособленная модели мировой юстиции (включена мировая юстиция в общую систему судебного управления или представляет собой обособленное подразделение).

На основании наибольшего числа сходных или различных признаков единичные типы (модели) мировой юстиции

можно сгруппировать в обобщенные типы (модели): классическую (английскую), континентальную (французскую) и смешанную (профессиональную). Для классической (английской) модели характерен полупрофессиональный кадровый состав и выполнение мировым судом административно-судебных функций (Австралия, Бразилия, Великобритания, Канада, США). Континентальная (французская) модель также отличается полупрофессиональным кадровым составом, но мировой суд выполняет только судебные функции (действовала во Франции в 1790–1958 гг., в России в 1864–1917 гг., современные Испания, Италия). Смешанная (профессиональная) модель обладает постоянным признаком – профессиональным составом, а функции, осуществляемые мировым судом, могут быть административно-судебными или судебными (Израиль, Ирландия, Россия с 1998 г.).

К настоящему времени в отечественной науке сложилось несколько вариантов периодизации истории мировой юстиции в России. И. Г. Шарковой была предложена следующая периодизация:

а) исторические предшественники мировой юстиции в период феодальной раздробленности Руси, отраженные в историко-правовых памятниках (Псковская судная грамота 1467 г., Судебник 1497 г., Судебник 1550 г., Соборное уложение 1649 г.);

б) российская мировая юстиция в период абсолютной монархии (Уложение о наказаниях уголовных и исправитель-

ных 1845 г.);

в) российская мировая юстиция в пореформенный период (с 1864 г. по 1917 г.);

г) современная российская мировая юстиция (начало воссоздания правовой базы мировой юстиции в России)²⁹.

Такую периодизацию следует признать не вполне удачной по следующим соображениям. Во-первых, она привязана не к узловым моментам развития самой мировой юстиции, а к традиционным периодам истории государства и права России (феодалной раздробленности, абсолютной монархии и т. д.). Это не позволяет со всей полнотой выявить качественно новые изменения в истории мировой юстиции, которые не всегда совпадают с рамками указанных исторических периодов. Во-вторых, из периода абсолютизма пореформенное время (1864–1917 гг.) выделено в отдельный период. Такой подход разрушает логическое единство периодизации: ведь указанный промежуток также находится большей частью в рамках периода абсолютной монархии (оставим в стороне дискуссионные вопросы о начале и окончании периода абсолютизма в России, решение которых может прямо повлиять на рассматриваемую периодизацию). В-третьих, можно согласиться с И. Г. Шарковой, что история мировой юстиции в первую очередь отражена в памятниках права и качественные изменения оформлены именно там. Однако, на наш взгляд, акцентирование внимания только на правовых актах делает описание истории несколько неполным. Прак-

тика, повседневная жизнь не менее информативны и значимы. Более того, правовой акт может быть как источником практики, так и результатом ее. Не всегда, на наш взгляд, можно связывать начало или окончание исторического периода с принятием или отменой правового акта. Кроме того, можно заметить и некоторую историко-правовую нелогичность в периодизации: вряд ли Соборное уложение 1649 г. может быть отнесено к периоду феодальной раздробленности, как, впрочем, и судебники Московского государства.

Е. И. Холодова (Вакарь) выделяет три основные периода развития института мировых судебных учреждений в России:

а) зарождение мировых учреждений в Древнерусском государстве, связанное с формированием правовой традиции упрощенного судопроизводства в судах общин (земский или княжеский период – IX–XIII вв.);

б) становление мировых учреждений (губных изб и земских судов), которое характеризовалось активностью и усилением роли местной администрации (наместников, волостелей, воевод) в судебном процессе (московский период – XIV–XVII вв.);

в) законодательное оформление института мировых учреждений в Российской империи и последующее введение мировых судей в ходе судебной реформы 1864 г. (имперский период – XVIII – начало XX вв.)³⁰.

Эта периодизация в силу конкретных исследовательских

задач является неполной: современный период в ней не отражен. Кроме того, спорным представляется тезис о зарождении мировых учреждений еще в IX в. О существовании упрощенных форм судопроизводства в древний период говорить рано: даже процедуры общего судопроизводства пока находятся в стадии формирования. Кроме того, в Древней Руси не удастся найти примеры аналогов мировых судов – совместных княжеско-общинных (княжеско-земских) органов, осуществляющих судебную и полицейскую власть. Здесь, с одной стороны, действует суд князя и его агентов (посадника, тиуна), с другой – земля (община) осуществляет широкое самоуправление и поддерживает внутренний порядок самостоятельно (но это не мировой суд, имеющий государственную природу). Полагаем, что в Древней Руси мы можем наблюдать лишь фрагменты отдельных элементов мировой юстиции, но зарождения этого института как некой целостности еще нет. Предпосылки, ведущие к возникновению мировой юстиции, обнаруживаются в средневековых Новгороде и Пскове. Хотя упоминания об аналогах мировых судов мы встречаем там лишь в памятниках права XIV–XV вв. (Новгородской и Псковской судной грамотах), можно с уверенностью предположить, что появились они много раньше, по крайней мере, собственная организация местной судебно-административной власти осуществляется в этих землях в XII в.

С. В. Каширский делит историю российской мировой юс-

тиции на четыре этапа:

- 1) период становления классической мировой юстиции – ноябрь 1864 г. – март 1881 г.;
- 2) этап подготовки и целенаправленной и основательной переработки законодательства о мировой юстиции – период контрреформ – март 1881 г. – июль 1889 г.;
- 3) попытка возрождения института мирового суда – 1906–1917 гг.;
- 4) реставрация института мировой юстиции – с 1996 г. по настоящее время³¹.

К сожалению, термины «этап» и «период» автором смешаны; по нашему мнению, их все же следует различать. Период – это сравнительно краткий промежуток времени в развитии объекта, характеризующийся логическим единством его признаков и свойств, а этап – продолжительный промежуток времени в развитии объекта, характеризующийся его качественно новым содержанием. Также автор полагает, что мировая юстиция с 1889 г. законодательно прекратила свое существование, с чем мы не можем согласиться.

Наш вариант периодизации исходит из того, что этапы охватывают однородную совокупность исторических (политических, социальных, правовых) условий, в которых развивалась мировая юстиция, а также концептуально однородную структурно-функциональную модель мировой юстиции, а периоды характеризуют исторически обусловленную динамику развития признаков и свойств модели в рамках кон-

кретного этапа.

I этап (XII в. – 1864 г.) – аналоги классической модели мировой юстиции;

II этап (1864–1917 гг.) – мировая юстиция дореволюционной России:

– первый период (1864 г. – конец 1870-х гг.) – *становление мировой юстиции*;

– второй период (конец 1870-х гг. – 1889 г.) – *ревизия Судебных уставов 1864 г.*;

– третий период (1889–1912 гг.) – *разрушение единства системы мировой юстиции*;

– четвертый период (1912–1917 гг.) – *восстановление и реформа единой системы мировой юстиции*;

III этап (1917–1938 гг.) – советские аналоги мировой юстиции;

IV этап (с 1991 г. – по настоящее время) – восстановление мировой юстиции в России.

Первый этап связан с ранними упоминаниями учреждений, аналогичных мировым судам, в исторических источниках, в том числе и в памятниках права, охватывает мировых посредников крестьянской реформы 1861 г., которые имели специальные функции и так и не были включены в дальнейшем в единую систему мировой юстиции. На этом этапе формируются идеи о мировой юстиции, разрабатываются концепции, проекты реформ судебной власти, в том числе предполагающих учреждение мировых судей. Несмотря

на наибольшую продолжительность данного этапа, выделить периоды внутри него, по нашему мнению, не представляется возможным. Это объясняется тем, что как единая концепция (идея) и система мировая юстиция на этом этапе еще не сформировалась; аналоги мировых судов составляли достаточно пеструю, эклектичную картину, возникали и действовали нередко параллельно друг другу.

Второй этап – наиболее длительный. Он включает учреждение и деятельность мировых судов в рамках судебной реформы 1864 г., формирование мировой юстиции как системы, ее развитие в условиях меняющегося законодательства и иных исторических обстоятельств. В этом этапе мы выделяем ряд периодов, когда в развитии мировой юстиции прослеживаются вполне определенные фазы, меняющие ее форму и содержание, условия, в которых она действует.

Третий этап характеризуется тем, что деятельность мировых судов после Октября 1917 г. приостанавливается, а затем мировые суды и вовсе упраздняются. Но все это происходит постепенно. Некоторые элементы системы мировой юстиции сохраняются и в период Советской власти. Местные суды, образованные Декретом № 1 «О суде», испытывают существенное влияние старой системы мировых судей и их съездов. В дальнейшем аналогом мирового суда можно признать единоличный состав народного суда, действовавшего на территории уездного или городского района. Однако уже вскоре расширение внесудебной подведомственности, адми-

нистративного порядка разрешения дел в принципе сняло вопрос о возможности деления дел в судах на малозначительные и более сложные. В Законе о судеустройстве СССР 1938 г.³² предусматривается только коллегиальное рассмотрение всех категорий дел, без каких-либо упрощений. С этого момента историю аналогов мировой юстиции в Советской России можно считать законченной.

Наконец, длящийся четвертый этап – это возврат, после значительного перерыва, к идее мировой юстиции, а затем и учреждение мировых судей, самой системы мировой юстиции в Российской Федерации. Началом этого этапа можно считать принятие Концепции судебной реформы в РСФСР в 1991 г., где впервые была сформулирована идея о восстановлении мировой юстиции³³.

Возвращаясь к концептуальным подходам (парадигмам) мировой юстиции, отметим одну важную тенденцию в эволюции мировой юстиции в России. Патриархальный и прагматический подходы сложились в политико-правовой мысли в России примерно к первой половине XIX в. Судебные уставы 1864 г. (точнее, их составители) сделали выбор в пользу патриархального подхода, в целом – в пользу французской модели мировой юстиции.

В Судебных уставах мировая юстиция оказалась обособленной ветвью судебной системы, мировые судьи получили специальный статус. Однако оторвать технико-юридически мировую юстицию от общей, в силу ее якобы особого пред-

назначения примирения, не удалось. Комиссия Министерства юстиции для пересмотра законоположений по судебной части (Комиссия Муравьева) 1894–1899 гг. сделала однозначный вывод о провале патриархальной концепции. Эта цитата достойна того, чтобы привести ее полностью: «Задача примирителя сторон, защитника местных польз и охранителя общественного порядка не получила в деятельности мировых судей желательного осуществления. В действительности они явились низшими органами суда, исполняющими те же обязанности по отправлению правосудия, как и прочие лица, облеченные судебским званием, и выделение их в особую судебную организацию оказалось лишенным достаточного основания»³⁴. Переход от патриархальной к прагматической модели начал, хоть и поздно, Закон о местном суде 1912 г.³⁵, однако этот эволюционный процесс был прерван революцией.

Подобная тенденция имеет место и сегодня, на рубеже XX–XXI столетий. Концепция судебной реформы в РСФСР 1991 г. отдает пальму первенства патриархальному подходу. О примирительной функции мирового суда там пишется с особым пиететом и проводится параллель с общиной-миром (что, вообще-то, в корне неверно). Но современный российский законодатель с самого начала взял линию на прагматизм, по этой дороге пошла и судебная практика: в 2012 г. в России мировым соглашением были завершены (прекращены) лишь около 2 % дел, рассматривавшихся мировыми

судьями³⁶.

Таким образом, на протяжении II–IV этапов истории мировой юстиции в России два концептуальных подхода конкурируют друг с другом. В конечном счете побеждают прагматики. Объясняется ли это тем, что прагматический подход более адаптирован к российской исторической и социально-политической действительности или же просто он являет собой подлинную сущность мировой юстиции, к которой она все время возвращается, несмотря на иные ожидания, – это проблема, которая требует осмысления.

Глава 2

Эволюция идеи мирового суда в России во второй половине XVIII – первой половине 60-х гг. XIX в.³⁷

В России идея необходимости преобразования судебной системы и создания мирового суда в том или ином виде как одного из основных ее элементов высказывалась задолго до проведения самой судебной реформы. В частности, кризис отечественной судебной системы и ее деятельности вызывал серьезное недовольство во второй половине XVIII в. Так, профессор Московского университета, один из основоположников дворянского либерализма и отечественной юриспруденции С. Е. Десницкий в марте 1768 г. направил Екатерине II «Представление об учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи». В этом сочинении юрист высказал и ряд идей по улучшению судоустройства и судопроизводства. В частности, С. Е. Десницкий предлагал учредить в провинциальных городах специальную канцелярию для решения «маловажных обид» (причиняющих ущерб до 25 руб.) в составе шести человек, которые бы рассматривали дела четыре раза в месяц³⁸.

Следует обратить внимание, что на формирование концепции С. Е. Десницкого оказала определенное влияние организация судебной системы в Англии, а именно английских мировых судов. Сущность данного государственно-правового института была постигнута им в период обучения философии и юриспруденции в университете г. Глазго. Приняв зарубежное учреждение за образец, русский ученый с учетом особенностей России предлагал расширить его сословный состав, сделав всеобщим органом местного управления и суда³⁹.

Проект С. Е. Десницкого был составлен и в связи с работой Уложенной комиссии. Дело в том, что проблемы реформирования судебной системы страны были предметом специального рассмотрения в работе Большого собрания депутатов Комиссии о сочинении проекта нового Уложения. В частности, заседания второй сессии собрания, проходившие с середины февраля 1768 г. в Санкт-Петербурге, были посвящены в том числе и проблемам судоустройства и судопроизводства в стране. Депутаты, в частности, высказались за упрощение формы судопроизводства с тем, чтобы особенно многочисленные судебные дела с малыми суммами иска подвергались бы простому и быстрому рассмотрению⁴⁰. В этих целях депутаты Уложенной комиссии озвучили мнение, что «взамен дорогих (формальных) судов с затяжным письменным делопроизводством и дворяне, и горожане, и крестьяне просят для дел маловажных (первой инстанции) близкого,

скорого и дешевого словесного суда с выбранными из их среды судьями...»⁴¹. А депутат от дворян Гороховецкого уезда Московской губернии А. Я. Протасов на заседании комиссии 28 февраля 1768 г. при обсуждении вопроса о судах прямо высказался о желательности учреждения в России института мировых судей по образцу Англии и Голландии⁴². Это, по мнению депутата, значительно сократило бы волокиту формальных судебных тяжб. При этом мировых судей «можно учредить в России для избежания излишнего казне убытка, из тех же лиц, которые ныне присутствуют в тех местах, где судные дела производятся, и выбирать посредством баллотирования»⁴³. Сущность же учреждения мировых судей, согласно точке зрения А. Я. Протасова, состояла в том, что любой, имевший надобность подать в суд исковое прошение или жалобу, должен был прежде всего явиться к мировому судье и ему объявить о своей претензии. Мировой судья, согласно мнению депутата, вызвав ответчика и выслушав доказательства обоих тяжущихся, по прошествии трех дней или немного более, объявлял сторонам, которая из них права и которая виновата. При этом главная обязанность мировых судей, по мнению А. Я. Протасова, должна была заключаться в старании примирить тяжущихся. И только в случае неуспеха в этом спорящие стороны имели право обращаться к формальному суду. Но как бы в предупреждение такого исхода депутат А. Я. Протасов предложил поста-

новить законом, чтобы истцам не было дозволено обращаться с просьбами в судебные места, не побывав прежде у мирового судьи⁴⁴.

В наказе депутатов дмитровского дворянства выдвигалось предложение: «для суда скорого, близкого и дешевого» по малозначительным делам между крестьянами разных владельцев, «обыкновенно малоценным, разделить уезд на четыре округа с выборным из дворянства земским судьей во главе каждого; эти судьи, действуя под руководством предводителя, “в самой скорости” решают тяжбы между крепостными словесно, наказывая виноватых крестьян, а помещиков “смирняя полюбовно”»⁴⁵.

Незадолго до осуществления губернской реформы Екатерины II московский генерал-губернатор М. Н. Волконский представил императрице свой проект об усовершенствовании судебной системы⁴⁶. В целом, предлагая незначительные изменения в судоустройстве, по вполне понятным причинам основанные на сословном признаке и отсутствии разделения властей, М. Н. Волконский проектировал, что в каждом стане под начальством земского судьи следует учредить должность комиссара, выбранного дворянами, в компетенцию которого входило бы «всякие словесные суды производить», например по делам о незаконной порубке леса, о незаконной перепашке земли, о кражах на сумму не свыше 100 руб., о драках и т. п.⁴⁷

Вступив на российский престол, Николай I предложил дворянству представить на имя царя ходатайства о своих нуждах. В результате «тринадцать великороссийских губерний за общим подписом предводителей дворянства» заявили ходатайство о введении «мирных судей» в уездах. Пожелание дворян было мотивировано следующим образом: «Земские суды находятся в затруднительном положении вследствие массы тяжб, и так как самый обряд делопроизводства в них, устанавливающий все протоколами, определениями, журналами, весьма затрудняет к скорому решению и исполнению дел»⁴⁸. Таким образом, по проекту дворянства уезды должны были разделяться на участки, в каждом из которых учреждался «мирный» судья, который разбирает претензии и дела на месте, не заставляя тяжущихся совершать путешествия в уездный город, где обыкновенно имел местопребывание земский суд.

Император Николай I пришел к мнению, что заявление коллективного ходатайства выходит за пределы предоставленных дворянству полномочий. Прошение было возвращено с указанием, что дворяне должны представить прошения от каждой губернии отдельно. Тогда ходатайство об учреждении должностей мирных судей было продублировано курским дворянством, но снова без положительного результата. 22 декабря 1827 г., после обсуждения прошения курских дворян в Государственном Совете вместе с заключением министра юстиции, министр внутренних дел уведо-

мил курского губернского предводителя дворянства о том, что в «Государственном Совете происходит окончательное суждение о постановке нового определения правил для третейского суда», и что после введения этих правил в действие «особый чиновник, под званием мирного судьи, не будет нужен, ибо всякий волен отдаться на третейское разбирательство, и лица, к коим, по мере доверия, прибегают сами спорящие стороны, суть уже мирные судьи»⁴⁹.

Предложение об учреждении мировых судей содержалось также в записке председателя Государственного Совета В. П. Кочубея, «поданной императору Николаю I в связи с обсуждавшимися в коридорах власти проектами реформы существующего государственного строя, в том числе и в области судебной»⁵⁰. В записке ставился вопрос об отделении судебной власти от полицейской путем учреждения в уездах «мирных судей» (*Juge de Paix*)⁵¹. Эти суды рассматривали бы имущественные споры (т. е. В. П. Кочубей скорее всего имел в виду, что «мирные суды» будут рассматривать только гражданские дела), руководствуясь не столько формами судопроизводства, сколько совестью и здравым рассудком, и решения этих судов должны были быть обязательными, «когда иск не превышает 100 руб.»⁵². Апелляционной инстанцией для «мирных судей» Кочубей планировал уездный суд. Подробно остановился он и на составе мирового суда: «для каждого сословия должны быть собственные судьи: дворя-

не будут избирать из дворян; купцы назначать судей из своего сословия; в смешанных делах судьи от дворян смешиваются с судьями от купцов и совместно решают дело»; «для крестьян же мировые судьи могут быть учреждены при волостях»⁵³.

Заслуживает внимания и проект конституции России под названием «Государственная уставная грамота Российской Империи». В начале 1818 г. царь поручил министру юстиции Н. Н. Новосильцеву разработать проект конституции России. В 1821 г. разработка проекта, получившего название «Государственная уставная грамота Российской Империи», была завершена. Однако проект конституции так и не был утвержден императором и остался на бумаге⁵⁴. Среди прочих передовых идей того времени проект конституции дает определенные представления о перспективах судеоустройства и судопроизводства. В связи с этим заслуживает внимания упоминание в проекте о мировом суде. В частности, в документе указывается, что «...суды первой инстанции по делам уголовным и гражданским (уездные суды и городские магистраты); коммерческие, совестные и *мировые суды* (курсив наш. – Авт.), равно как и другие суды, в коих окажется надобность, будут устроены особенными постановлениями сообразно с Государственною уставною грамотою»⁵⁵.

Таким образом, первоначально идея мирового суда в правительственных кругах успеха не имела. Однако постепенно

инициатива в вопросе судебных преобразований перешла из рук властей в руки общественности. В частности, идея создания в России мирового суда обсуждалась также и в среде декабристов. Так, Н. М. Муравьев в рамках своей конституции разработал проект судебной системы, в соответствии с которым судебная власть строилась по территориальному принципу: уездные совестные суды; уездные съезды совестных судов; областные «судилища» и Верховное «судилище»⁵⁶.

Согласно проекту в уездах учреждались совестные суды, состоящие из двух инстанций: совестный судья и съезд совестных судей. Совестный судья выбирался «обыкновенными избирателями» из расчета один совестный судья на четыре тысячи душ мужского пола. При этом кандидат в совестные судьи должен был удовлетворять ряду цензов и требований. В частности, таким судьей мог стать любой житель уезда без различия сословия и звания, «лишь бы он был в совершенных летах, пользовался доверием жителей, имел постоянное пребывание в Уезде, не находился в другой какой-либо службе и владел бы движимым или недвижимым имением не менее 2000 серебряных рублей», причем наличие этой собственности, по словам Н. М. Муравьева, приобретенной трудом, промышленностью и бережливостью, должно было бы служить «залогом честности и бескорыстия Судьи». При этом должность совестного судьи была несменяемой, и он мог остаться «в своем звании, буде окажется непорочным, до 70-летнего возраста»⁵⁷. Должность совестного судьи, со-

гласно проекту, не могла быть совместима с выполнением каких-либо прочих обязанностей.

Совестные судьи призваны были рассматривать гражданские тяжбы и незначительные уголовные дела и имели право приговаривать к трехдневным срокам заключения и штрафам, не превышающим размер трехдневного заработка. В судопроизводстве преобладало судоговорение. Да и в целом судебный процесс по проекту носил гласный характер и происходил при открытых дверях: все жители, мужчины и женщины, имели право посещать заседания совестного судьи.

Если обе тяжущиеся стороны были удовлетворены решением совестного судьи, «то оное становится окончательным. Никакое третье лицо не вправе опровергать оное». В противном случае можно было подать апелляцию. Апелляции на решения совестных судей подавались съездам совестных судей, которые происходили «каждые три месяца в уездном городе и «в главнейших местечках Уезда...»⁵⁸. Съезд совестных судей состоял из всех совестных судей уезда.

Для того чтобы решение съезда совестных судей было законным, на заседании необходимо было присутствие не менее пяти совестных судей, при этом совестный судья, решение которого обжаловалось, не мог входить в состав судей и, следовательно, не имел права голоса. Но он обязан был присутствовать на съезде для объяснения причин, «на которых он основал свое решение»⁵⁹.

Таким образом, за образец Н. М. Муравьевым, по мнению

С. В. Лонской, «вероятнее всего, были взяты английские четвертные сессии и французские выборные мировые судьи», что объясняется довольно просто – «государственный строй республиканской Франции воспринимался в то время в России прогрессивно мыслящими людьми как некий идеал, а участник заграничных походов Муравьев имел возможность познакомиться с ним в деталях»⁶⁰. Таким образом, именуя судей «совестными», декабрист «подчеркивал не столько их происхождение от екатерининских, сколько соответствие их понятиям “справедливость”, “спокойствие”, “мир”»⁶¹.

Вполне очевидно, что в совестных судьях, которые в соответствии с проектом Н. М. Муравьева единолично рассматривали большинство дел, отчетливо проявился прообраз будущего мирового судьи, а в съезде совестных судей – модель будущего съезда мировых судей. Подобной точки зрения придерживались и другие исследователи. Так, В. И. Семевский, а вслед за ним Р. Х. Яхин считали, что совестные суды по конституции Н. М. Муравьева содержали черты будущих мировых судов по Судебным уставам 20 ноября 1864 г.⁶² Однако, по мнению Б. В. Виленского, «с этим едва ли можно согласиться, так как единственное их сходство заключалось в том, что они суды нижестоящие, находятся в уездах и съезды их являются апелляционной инстанцией. Все же остальное: порядок избрания, компетенция, подсудность и проч. – настолько различны, что нет оснований к та-

кому предположению»⁶³. На наш взгляд, можно вполне разделить мнение Г. В. Гриненко, утверждающего, что предложения Н. М. Муравьева по судоустройству, в том числе и относительно мирового суда, были во многом востребованы при подготовке судебной реформы 1864 г.⁶⁴ Подобной точки зрения придерживается и исследователь мировой юстиции С. В. Лонская⁶⁵.

Существенное влияние на содержание проектов судебной реформы с введением института мировых судей оказала подготовка реформы по отмене крепостного права, когда губернские дворянские комитеты, организованные для выяснения пожеланий дворянства относительно отмены крепостной зависимости, в 1858–1859 гг. представили правительству свои предложения⁶⁶. Более того, в дальнейшем определенным стимулом к активизации общественной мысли стала уже неоднозначная оценка положений по отмене крепостного права в России и самой реализации крестьянской реформы.

Постепенно идея необходимости судебных преобразований в России вообще и учреждения мирового суда в частности все более проникала в правительственные круги. При чем первоначально идея учреждения властями мирового суда была тесным образом связана с предстоящим освобождением крестьян, с наделением их землей в рамках подготовки и проведения крестьянской реформы и реформой полиции.

По сути, два фактора, как довольно точно подметил М. Г. Коротких, определили незамедлительное создание судебного органа для разрешения маловажных дел: во-первых, реформа полиции, при которой судебные функции по разрешению маловажных дел изымались из ее компетенции; во-вторых, необходимость разрешения конфликтов между помещиками и освободившимися крестьянами⁶⁷.

Однако в целом российская законодательная практика не имела опыта в подготовке проектов судоустройства и судопроизводства подобного рода. Поэтому в мае 1858 г. было принято решение о командировании за границу статс-секретаря Государственного Совета С. И. Зарудного, «чтобы ближе изучить порядок судопроизводства в иностранных государствах, особенно тех, где введено словесное производство суда, и узнать на месте практическое применение оногo»⁶⁸. Летом 1858 г. он отправляется в Западную Европу (Франция и Италия) для изучения опыта местных судебных учреждений, в том числе и мировых⁶⁹. По возвращении по итогам командировки С. И. Зарудного, понимая пользу гласности, помощник государственного секретаря счел «чрезвычайно полезным» опубликовать привезенные материалы. Пожелание удовлетворили и по велению Александра II изготовили 500 экземпляров материалов⁷⁰. Публикация кодексов симптоматична. Она подтверждала необходимость изучения опыта судоустройства и судопроизводства стран Запада, свидетель-

ствовала о сдвигах в ориентации правительственных кругов от «русских исторических начал» к «общечеловеческим», воплощенным в европейском законодательстве⁷¹. В том числе была опубликована работа С. И. Зарудного, целиком и полностью посвященная мировому суду под названием «О значении мирового суда и словесного порядка гражданского судопроизводства»⁷², что фактически означало, что предложение о создании мирового суда окончательно получило высочайшее одобрение. Таким образом, в своей записке С. И. Зарудный как официальное лицо выдвигает вопрос об учреждении должности мирового судьи.

Дело в том, что 25 марта 1859 г. последовало повеление Александра II о необходимости отделения судебной власти от исполнительной, что фактически положило начало проведению реформы полиции в России⁷³. В преддверии реформы закономерно возник вопрос, кто будет разбирать дела о преступлениях и проступках, которые ранее были подведомственны полиции. Конечно, в этом случае разрешение маловажных гражданских исков и дел по незначительным преступлениям и проступкам должно будет принадлежать суду, но С. И. Зарудный справедливо замечает по этому поводу, что «предоставление сих дел общим судебным местам не достигло бы своей цели: маловажные гражданские иски и маловажные преступления и проступки требуют, по роду своему, немедленного разбирательства *на самом месте* и не мо-

гут быть подчинены всем условиям формального судопроизводства»⁷⁴. Поэтому, учитывая предстоящую реформу полиции, автор доказывает необходимость установления единой судебной власти в лице мирового судьи.

Ход рассуждений и окончательные выводы и предположения автора сводятся к следующему. В России, как и везде, есть дела, которые требуют быстрого разрешения на месте. Однако изъять эти дела из ведомства полиции и предоставить их существующим судам значит обременить их выше человеческих сил, а тяжущихся лишить всякой возможности даже начинать дело, ибо суд не суд, когда за малоценным иском в 40 рублей серебром надобно ехать за сто верст; суд не суд, когда требуется безотлагательное разбирательство, а чтобы добраться до суда надобно ехать или идти за сто или двести верст. Этим объясняется необходимость установления на местах мировых судей. Они же должны производить различные действия охранительного порядка и рассматривать дела о маловажных проступках⁷⁵.

Затрагивает С. И. Зарудный и вопрос о недостатке соответствующих людей для замещения должности мировых судей и, как бы косвенно возражая на замечания министра юстиции В. Н. Панина, находит эти опасения неосновательными. Если законодатель, говорит он, «будет действовать под влиянием той мысли, что у нас нет людей, то в таком случае не представляется никакой надобности в улучшении судопроизводства». «Для России нужны те люди, в которых у нас

нет недостатка. Нужно только облегчить их действия, дать им средства жить честно, установить основные правила, от которых они не должны отступать. Затем строго взыскивать за нарушения закона. При таком порядке всегда найдутся хорошие люди»⁷⁶.

В целом, со всей уверенностью можно констатировать, что именно С. И. Зарудный теоретически обосновал и развил целесообразность и необходимость учреждения института мировых судей в России. Он писал, что «смещение власти судебной и полицейской», свойственное российскому законодательству, составляет «корень зла, из коего истекают и дальнейшие недостатки нашего судопроизводства»⁷⁷. Разрешение мелких правонарушений на месте имеет предупредительное значение, «ибо *не столько строгость уголовных законов, сколько неизбежность наказания может предупредить преступление*»⁷⁸. Вследствие этого маловажные дела должен разрешать специальный суд – мировой – в составе одного судьи; участие адвокатов не допускалось. С отменой же крепостного права появится множество мелких дел, которые не могут качественно разрешить общие суды. Следовательно, без учреждения мирового судьи как первоначального звена судебной системы «не может быть и правильного *разделения власти судебной и правительственной*»⁷⁹. И вообще «учреждение ... мирового судьи ... составляет краеугольный камень всего судоустройства», залог успеха всей

судебной реформы⁸⁰.

Находясь под влиянием славянофилов, считавших, что у русского человека «правда внутренняя», т. е. мораль, выше «правды внешней», выраженной в законе, С. И. Зарудный рассматривал мирового судью в качестве арбитра спорящих⁸¹. Вследствие этого обстоятельства мировой судья должен был первоначально принимать меры к примирению спорящих сторон⁸². Только потом он вправе разрешать спор по правилам сокращенного порядка⁸³. Таким образом, самостоятельность мирового судьи при осуществлении правосудия, его беспристрастность, отсутствие заинтересованности в исходе дела, независимость от исполнительной власти, использование местных обычаев, норм нравственности позволяли ему более оперативно рассматривать конкретные дела и принимать по ним справедливые решения⁸⁴.

Интересна аргументация С. И. Зарудного в отношении закономерности введения института мировых судей в России. «Сокращенный порядок производства есть выражение потребности народов, а не прихоти законодателя», поскольку «самое свойство дела, или настоятельная потребность, рождает один и тот же закон в различных государствах, независимо от каких-либо теорий публицистов»⁸⁵. По этой причине «во всех европейских законодательствах вопрос о спешном порядке разрешается одинаково: установлением мировых ... судей, которые решают ... дела на месте»⁸⁶. Таким

образом, к 1859 г. С. И. Зарудный – отец и душа судебной реформы – изменил прежние взгляды на российскую правовую действительность, поднявшись до осознания общих закономерностей развития права и законодательства независимо от конкретного региона; более того, он обосновал необходимость использования сравнительного метода изучения иностранного права и отечественного законодательства. С. И. Зарудный пришел к выводу: «законодатель не создает, не изобретает новых начал, а лишь изменяет и улучшает существующие, пользуясь опытом других государств»⁸⁷. Эта теоретическая концепция и легла в основу законодательных предположений статс-секретаря, а сама эволюция взглядов С. И. Зарудного, фактически руководившего подготовкой судебных преобразований, отразила тенденцию той части правительственных кругов России, которая пришла к выводу о необходимости отказа от «исторических начал» и неизбежности создания судебной реформы по западным аналогам⁸⁸.

В октябре 1861 г. Александр II повелел представить ему сведения о ходе законопроектной работы в Государственном Совете по вопросам судебного ведомства. Во исполнение воли царя государственный секретарь В. П. Бутков представил записку, в которой были обозначены затруднения, с которыми столкнулась Государственная канцелярия при анализе составленных в разное время и не согласованных между собой проектов, и проводилась мысль о необходимости

в первую очередь определить и утвердить основные начала предполагаемого судоустройства и судопроизводства. Доклад В. П. Буткова был высочайше одобрен, и на его основе 19 октября 1861 г. В. П. Бутковым по согласованию с начальником II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии Д. Н. Блудовым был подготовлен и представлен Александру II новый и более подробный доклад о порядке рассмотрения в Государственном Совете проектов судебного преобразования⁸⁹. В частности, в докладе следовало «предоставить соединенным департаментам внести в общее собрание Государственного Совета объяснительную записку обо всем, что может быть признано относящимся к главным основным началам наших предположений для устройства судебной части в империи так, чтобы сия записка обнимала в возможной полноте и ясности все многоразличные предметы, к сей части принадлежащие; именно: 1. Судоустройство; 2. Судопроизводство гражданское; 3. Судопроизводство уголовное и, наконец; 4. Нужные временные меры для перехода от порядка, ныне существующего, к предполагаемому новому».

Составление записки предлагалось возложить на специальную комиссию из служащих Государственной канцелярии Государственного Совета и Министерства юстиции под общим руководством государственного секретаря В. П. Буткова. Разработанные «Основные положения» следовало обсудить в Государственном Совете, после чего представить

на утверждение монарха. С учетом «Основных положений» предлагалось разработать уставы судопроизводства и судоустройства⁹⁰. 23 октября 1861 г. Александр II одобрил доклад. Как видно, граф Д. Н. Блудов сам предлагал передать подготовку судебной реформы из II отделения в Государственную канцелярию. Это явилось переломным моментом и свидетельствовало об окончательной потере влияния курса Д. Н. Блудова. По сути, его отстранение от судебной реформы явилось победой сторонников коренного изменения правосудия в России с отказом от «исторических начал»⁹¹, а 23 октября 1861 г. стало «датой решительного перелома» в деле подготовки судебных преобразований⁹².

Таким образом, дело подготовки судебной реформы было передано из II отделения в особую комиссию при Государственной канцелярии, и государственный секретарь В. П. Бутков энергично возглавил работу по подготовке «главных начал» нового суда. В конце октября 1861 г. по указанию царя было начато составление «Основных положений преобразования судебной части в России». Эти «основные положения» должны были охватить судоустройство, гражданское судопроизводство и уголовное судопроизводство, а также необходимые государству «временные меры для перехода от существовавшего порядка к предполагаемому новому»⁹³. К правотворческой деятельности были привлечены лучшие юристы того времени, «прикомандированные»

к комиссии, среди которых особенно выделялись: исполняющий должность статс-секретаря Государственного Совета С. И. Зарудный, обер-прокурор общего собрания московских департаментов Сената Н. А. Буцковский, московский губернский прокурор Д. А. Ровинский, исполняющий должность статс-секретаря Государственного Совета Н. И. Стояновский (впоследствии товарищ министра юстиции), обер-секретарь общего собрания московских департаментов Сената К. П. Победоносцев, тайный советник А. М. Плавский и др., а также чиновники Государственной канцелярии: действительный статский советник П. Н. Даневский, статский советник Д. П. Шубин и экспедитор Государственной канцелярии А. П. Вилинбахов⁹⁴.

Разработанные «Основные положения» предполагалось передать на обсуждение соединенных департаментов законов и гражданского Государственного Совета, а затем на рассмотрение общим собранием Государственного Совета⁹⁵. При этом Александр II повелел, чтобы при разработке законопроектов судебной реформы прежде всего «в общих чертах были изложены соображения Государственной канцелярии и прикомандированных к ней юристов о тех главных началах, несомненное достоинство которых признано в настоящее время наукою и опытом европейских государств, по коим должна быть преобразована судебная часть в Империи»⁹⁶. Этот факт имел большое значение в деле преобра-

зования суда, так как членам комиссии было «высочайше» разрешено в своих трудах руководствоваться данными, добытыми и разработанными наукой и опытом европейских государств.

При разработке и обсуждении «Основных положений» предполагалось самое широкое использование более ранних проектов II отделения, но они были использованы лишь в качестве подготовительных материалов, поскольку не удовлетворяли потребностям времени⁹⁷. Эти проекты, по сути, отражали борьбу идей и мнений вокруг принципов и институтов судебной реформы, в том числе вокруг института мировых судей⁹⁸.

С января по апрель 1862 г. в Государственной канцелярии при участии вызванных по Высочайшему повелению юристов шла деятельная работа, результатом которой явились «соображения», в том числе и по вопросам судоустройства и судопроизводства с участием мировых судей, изложенные в особых записках. По сути, уже в «соображениях» Государственной канцелярии мы находим в зародыше все основные принципы, на которых впоследствии и были построены проекты судебных уставов.

В частности, в отношении гражданского судопроизводства «соображения» находили, что существенными главными началами, от коих зависит система гражданского судопроизводства, в том числе и с участием мировых судей, среди прочих, надлежало бы принять следующие: «устанавли-

ваются два порядка судопроизводства, общий или простран- ный, простой или сокращенный»; «установлены правила со- кращенного порядка, коему подчинены дела простые и мало- ценные»; «канцелярская тайна уничтожена и в гражданское судопроизводство введена гласность»; «полицейская власть отделяется от судебной и с этой целью учреждаются новые органы судебной власти: мировые судьи»; «гражданские дела подлежат рассмотрению в двух только инстанциях»; «вместо следственного процесса в гражданских тяжёбных делах при- нять процесс состязательный»⁹⁹.

Из этих «главных начал» «соображений» выводятся ос- новные положения проекта устава гражданского судопроиз- водства, в том числе и по делам, подведомственным миро- вым судьям. Однако правила о судопроизводстве в мировых судах кратки и представлены лишь в первых шести статьях проекта.

«Соображения», касающиеся уголовного судопроизвод- ства, останавливаются подробно на ряде общих вопросов, от того или другого принципиального решения которых зави- сит та или другая постанoвка основных уголовно-процессу- альных институтов, в том числе и в мировом суде. В част- ности, обращаясь к вопросу о производстве дел в мировых судах, «соображения» принимали предположения проекта II отделения, но вместе с тем находили нужным несколько рас- ширить круг ведомства мировых судов и их власть в оконча- тельном решении дел о маловажных преступлениях и про-

ступках. В результате «соображения» предлагают предоставить мировому суду все без изъятия дела о преступлениях и проступках, которые по закону вчиняются не иначе, как по жалобам частных лиц, и могут быть оканчиваемы примирением сторон; затем – по отношению к лицам, не изъятым по правам состояния от телесных наказаний – дела о маловажных кражах, мошенничестве, лесных порубках, присвоении найденных денег или вещей и т. п., причем мировые судьи могут приговаривать окончательно к денежному взысканию до 15 руб.¹⁰⁰

Обращаясь к «соображениям» Государственной канцелярии относительно основных начал судоустройства с участием мировых судей, мы можем констатировать следующее. Красной нитью через все мнения проходит мысль о том, что «мировые судьи составляют основание всего судоустройства», а само «звание мирового судьи ... должно иметь великую важность в устройстве суда и судебного управления», ведь «в его лице предполагается дать местным обывателям не только ближайшее средство для разрешения пререканий о праве в делах, требующих прежде всего скорого решения на месте... но вместе с тем и готового посредника для соглашения требований» сторон¹⁰¹. Вполне обоснованно предполагалось, что необходимость учреждения этой должности многократно возрастет в связи с «окончательным уничтожением крепостного права», развитием гражданских прав у крестьян, увеличением количества сделок и договоров. В связи

с этим главной задачей мирового судьи должно было стать «охранение общественного порядка и спокойствия», разбор на месте «многочисленных дел о маловажных преступлениях и проступках»¹⁰². Учитывая всю важность учреждаемой должности, чиновники Государственной канцелярии предложили принять за правило, что «должность мировых судей предоставляется преимущественно местным землевладельцам», аргументируя это тем, что «только такие лица могут стать в то живое отношение к подсудным лицам, какое требуется для мирового судьи». В связи с этим на первое время даже предлагалось, чтобы должности мировых судей заняли мировые посредники¹⁰³.

Предполагалось, что мировой суд установится как низшая судебная инстанция, первое звено судоустройства, резко отличающееся от прочих судебных инстанций, а сами мировые суды – единоличные, что, по мнению членов Государственной канцелярии, и должно отличать мировой суд от всех остальных (общих) судебных ведомств: мировой суд, исходя из специфики предполагаемой компетенции и в связи с «условиями гражданской жизни обширного государства, требующими суда на месте, не может соединять в себе условия коллегиальности, участия прокурора и содействия вспомогательных чинов судебного ведомства»¹⁰⁴.

Вместе с тем чиновники прекрасно понимали, что совсем выводить мирового судью из ряда судебных инстанций,

предоставив ему окончательно решать все подведомственные ему гражданские и уголовные дела, не допуская никаких жалоб на его решения в вышестоящую судебную инстанцию, нельзя. Мировой судья «как основание всего судоустройства должен быть непременно в непосредственной связи со всеми судебными учреждениями». В противном случае «мировые судьи были бы не *судьи*, а привилегированные *администраторы*», действовавшие «по произволу, а не по закону, и смотрели бы на самые законы как на правила, не имеющие для них никакого значения»¹⁰⁵. Поэтому по всем делам, которые мировой судья не мог решать окончательно, в качестве второй инстанции планировалось установить окружной суд¹⁰⁶.

Хотя следует отметить, что в качестве такой инстанции планировалось учредить и временный съезд мировых судей, собиравшийся четыре раза в год в каждом уездном городе, который должен был заменить уездный суд. Их учреждение аргументировалось экономией средств и близостью к «тяжущимся и подсудимым»¹⁰⁷. Однако подавляющее большинство членов Государственной канцелярии не согласилось с такой аргументацией, причем на первое место поставили даже не призрачную экономию бюджетных средств из-за временного характера заседания, а само понятие «близости» такого суда к «тяжущимся и подсудимым»¹⁰⁸.

Не встретил поддержки у членов Государственной кан-

целярии и тот аргумент, что существующий съезд мировых посредников может послужить определенным аналогом или примером будущего съезда мировых судей. В качестве аргумента приводилось то обстоятельство, что должность мировых посредников, «по преимуществу исполнительная, требует постоянных переездов с одного места на другое, и этим оправдываются назначенные для них *мировые съезды*». Однако эти съезды «не составляют суда, а собственно совещательное собрание исполнителей положений 19 февраля 1861 г., дабы они могли совокупно обозреть некоторые дела, подведомые всем им в равной мере, и условиться об однообразном, согласном с упомянутыми положениями, разрешении дел», подведомственных мировым посредникам. Более того, предоставление съездам мировых посредников права пересмотра некоторых решений мировых посредников «не имеет также судебного характера, ибо противно всякому понятию о суде»¹⁰⁹. Действительно, достаточно вникнуть глубже в Положение о губернских и уездных учреждениях 19 февраля 1861 г., чтобы убедиться в том, что круг действия съездов мировых посредников не имеет, да и не может иметь ничего общего со значением судебной и в особенности апелляционной инстанции.

Таким образом, идея создания съезда мировых судей как апелляционной инстанции по отношению к мировым судьям по тем делам, которые мировые судьи не решали окончательно, не нашла поддержки в Государственной канцелярии.

В качестве таковой инстанции проектировалось установить окружной суд.

В Государственной канцелярии обсуждался и вопрос о назначении чинов судебного ведомства, в том числе и мировых судей, – от правительства или по выборам. Вполне естественно, что ввиду различных сословных прав и преимуществ в России этот вопрос принадлежал к числу наиболее дискуссионных. Признав, что «определение судей от правительства представляет более ручательств в хорошем судеустройстве, нежели выборная система», Государственная канцелярия, тем не менее, допускала частичное применение выборной системы в назначении мировых судей на том основании, что избрание мировых судей из местных землевладельцев, более или менее известных всем избирателям, обеспечит им доверие общества, правительство же освобождается от практически для него трудно осуществимой задачи – сделать хороший выбор судей для замещения большого числа вакансий¹¹⁰.

Кроме того, понимая, что российское общество не достигло еще той степени развития, чтобы «можно было определять на судебные должности исключительно лиц, получивших специальное юридическое образование», чиновники Государственной канцелярии со всей очевидностью осознавали, что для мировых судей, избираемых из местных землевладельцев и собственников, среди которых «юристы еще большая редкость», наличие такого условия, как спе-

циальное юридическое образование, вообще будет неисполнимо. Вследствие этого предлагалось ограничиться требованием, чтобы кандидаты в мировые судьи имели «общее образование, получаемое в средних учебных заведениях». Аргументировалось это положение тем, что «по маловажности дел, предоставляемых решению мировых судей, и по несложности производства этих дел, отправление их может быть вверено и лицам, не имеющим юридического образования, но пользующихся уважением и доверием»¹¹¹

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.